

Стоило одному человеку сказать, как остальные тоже загалдели, перебивая друг друга:

— Вот именно! Ты покупаешь или нет?!

— Не покупаешь, так уходи, чего тут болтать без конца!

— Ты не берёшь, а нам ещё покупать надо!

...

Чжоу Цяочжи опешила от этого шума, обернулась и только тогда заметила, что позади неё уже выстроилось человек шесть-семь.

Её дочь Тянь Хэсян тоже испугалась, схватилась за её руку и потянула назад, тихо шепча:

— Мам, давай уйдём, мам...

Чжоу Цяочжи от злости аж глаза вытаращила, но и уйти с пустыми руками, выставив себя на посмешище, не захотела. Она снова повернулась к Лю Гуюю и фыркнула:

— Куплю, куплю! Сколько стоит?!

Лю Гуюй, сложив руки, даже не шелохнулся, лишь лениво поднял взгляд и спокойно ответил:

— Бочжайгао - два вэнь, бинфэнь - семь.

Глаза у Чжоу Цяочжи округлились ещё сильнее, она тут же взвилась:

— Семь вэнь?! Да это грабеж среди бела дня!

Лю Гуюй больше не стал с ней разговаривать, а просто обошёл её взглядом и обратился к следующему покупателю с улыбкой:

— Вам что подать? Бочжайгао или бинфэнь?

Этой покупательницей оказалась крепкая женщина, державшая за руку внука. Услышав вопрос, она сразу оттолкнула Чжоу Цяочжи в сторону и потянула мальчика вперёд:

— Давай, выбирай, что хочешь, сам скажи брату!

Высокая и худощавая Чжоу Цяочжи от толчка пошатнулась и только через несколько шагов устояла. Она зло глянула на женщину, но, заметив её мощную фигуру, невольно поникла. В итоге, потянув Тянь Хэсян за руку, поспешно ретировалась, бурча себе под нос:

— Тьфу, что за дрянь! Ещё и по семь вэнь продаёт - только дурак купится!

А вот Тянь Хэсян уже потянуло на сладкое. Бочжайгао - розовые, зелёные, прозрачные, как хрусталь - выглядели мягкими и упругими; бинфэнь и вовсе манил взгляд: прозрачные кусочки, посыпанные золотистым сушёным османтусом, сверху свежие кусочки персика, политые сладким сиропом из тростникового сахара - от одного вида слюнки текли.

Она тихо пробормотала:

— ...мы не купим?

Чжоу Цяочжи зло зыркнула на неё и, грубо схватив за руку, потащила прочь, да так, что на запястье тут же выступили красные следы.

— Ешь, ешь! Только и знаешь, что жрать! Сегодня мы пришли за оберегом для твоего брата, чтобы он сдал экзамен! Ты ведь старшая сестра, где у тебя хоть капля сознательности?!

Тянь Хэсян всё же не удержалась и пробормотала ещё тише:

— Гуаньинь и так не помогает на экзаменах...

Чжоу Цяочжи этих слов, тихих, как жужжание комара, не услышала, лишь потянула дочь за руку и быстро пошла вперёд, прямо к храму Гуаньинь.

После этого эпизода у прилавка снова сталолюдно. Лю Гуй быстро выбросил из головы эту мать с дочерью и снова принялся считать деньги, так что руки едва успевали. Он улыбался весь день, так, что под конец у него даже челюсть разболелась. Лишь продав последнюю чашку бинфэня, он плюхнулся на низкую скамеечку и, тяжело дыша, сказал:

— Уф, устал до смерти! Наконец всё распродали!

Пока переводил дух, он начал считать на пальцах:

— Бочжайгао каждого вкуса сделал на пять штук больше, чем вчера, бинфэня на десять порций больше... выходит, примерно на сто вэнь больше. За пять дней ярмарки получится заработать...

Цинь Жунши рядом спокойно продолжил:

— Около двух лян серебра, а если вычесть расходы, чистыми выйдет примерно лян и семь цяней.

Глаза у Лю Гуюя тут же загорелись, он с размаху хлопнул его по плечу и радостно сказал:

— Ого! Неплохо считаешь!

Цинь Жунши от удара чуть пошатнулся, но ничего не ответил, просто встал и начал собирать прилавок, готовясь к возвращению домой.

Лю Гуюй устал так, что и руку поднять не хотелось, он остался сидеть на скамеечке и лишь раздавал указания:

— Эй-эй, да, да, вот это вниз положи!

— Крышку на горшке с сахаром закрути покрепче, не пролей!

...

Цинь Жунши не отвечал, но всё аккуратно делал так, как говорил Лю Гуюй. Закончив, он повернул голову и посмотрел на него. Точнее на маленькую скамеечку под ним.

— А, это... держи, держи, тоже убери.

Поймав его взгляд, Лю Гуюй сразу вскочил, подхватил скамеечку и передал её ему. Цинь Жунши взял её, коснулся пальцами доски, и от тепла, оставшегося после сидения, невольно поджал пальцы. В итоге, слегка покраснев, убрал её.

Лю Гуюй ничего не заметил, он уже повернул голову и махал рукой Линь Синь-нян и Ло Майэр:

— Тётушка! Майэр! Мы всё распродали, пойдём домой!

Получив ответ, он взялся за тележку, и они с Цинь Жунши вместе отправились обратно.

По дороге они прошли мимо ещё одного людного прилавка, тоже с таньюань. Позади обычной на вид лавки стояли три стола с лавками, все до одного заняты, а некоторые посетители, не найдя места, даже стояли у стены и ели.

Неужели такой хороший спрос?!

Лю Гуюй заинтересовался и невольно задержал взгляд. Хозяевами оказалась супружеская пара лет сорока - по виду спокойные и добродушные.

Когда Лю Гуюй взглянул на них, супруги тоже кивнули ему и улыбнулись, причём улыбка у них была особенно искренней.

...Мы ведь не знакомы? Это они мне улыбаются?

Лю Гуюй на мгновение растерялся, а затем по привычке тоже слегка изогнул губы и вежливо ответил такой же формальной улыбкой.

— Пошли, - сзади раздался голос Цинь Жунши.

Лю Гуюй кивнул, отвёл взгляд и пошёл дальше.

Позади доносился шум от того прилавка - посетители наперебой обсуждали что-то:

— Нашёл? Нашёл?

— Да нет! Правда ли там внутри есть? Я уже три чашки съел, ни одного не попалось!

— Есть, точно есть! Я своими глазами видел, как хозяин их заворачивал!

— Эх, вот бы повезло кому...

...

Они вышли из города и поехали домой.

Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань, как и прежде, провели весь день в тревоге. Лю Гуюй рассказал им только хорошие новости - что торговля шла отлично, что сегодня и бочжайгао, и бинфэнь распродали полностью. А вот о встрече с Чжоу Цяочжи он не обмолвился ни словом. У той бабы с Цуй Ланьфан и так отношения плохие, зачем лишний раз тревожить?

За едой Лю Гуюй, уплетая блюда большими кусками, сказал:

— В последний день давайте все вместе сходим на ярмарку погулять! Там так оживлённо, чего только не продают!

Цуй Ланьфан пожалела денег и к тому же считала, что ей, женщине в возрасте, и делать там особо нечего. Подумав, она лишь погладила косички Баньбань и с улыбкой сказала:

— Возьми с собой Баньбань, а я не пойду, останусь дома, вы идите, повеселитесь.

Но Лю Гуюй возразил:

— Пойдём! Все пойдём!

Он стал уговаривать:

— Матушка, говорят, в храме Гуаньинь в городе очень действенные молитвы! Ты можешь попросить обереги на удачу, ведь к богам нужно идти самому, только так будет искренне.

Слова Лю Гуюя действительно тронули Цуй Ланьфан. Она подумала не о себе, а о детях и решила, что стоит сходить и выпросить для них защитные талисманы.

Цинь Жунши и Цинь Баньбань тоже закивали, а девочка даже обняла мать за руку и, раскачивая её, мягко уговаривала:

— Ну пойдём, мама, пойдём, пожалуйста...

Цуй Ланьфан вздохнула и, с любовью погладив дочь по голове, наконец сказала:

— Ладно, тогда пойдём все вместе.

Решив это, вся семья с радостью закончила ужин, а затем принялась готовить всё необходимое для завтрашней ярмарки.

Ночью вся деревня Шанхэ погрузилась в тишину, лишь изредка доносились стрекот насекомых да лай собак. По небу рассыпались густые россыпи звёзд, окружая не совсем полную луну; их свет струился вниз, ложился на ветви старой ивы в деревне и колыхал длинные тени. Вдали горы наслаивались друг на друга тёмно-синими силуэтами, журчащий ручей тихо сбегал с гор, и мягкое сияние тоже проникало в воду, словно небесная река и земная сходились в одном месте, рождая рябь, будто множество светящихся рыбок. Лунный свет был ярок, небо усыпано звёздами - завтра снова будет хорошая погода.

В последующие дни торговля шла отлично, каждый день бочжайгао и бинфэнь раскупали полностью. На пятый день вся семья вышла помогать, и Лю Гуюю с Цинь Жунши стало заметно легче. Поскольку сегодня они собирались оставить полдня на прогулку по ярмарке, приготовили меньше обычного, и всё равно распродали всё очень рано.

Глядя на связки медных монет, которые они приносили домой все эти дни, Цуй Ланьфан уже понимала, что дела идут хорошо, но увидеть всё своими глазами оказалось ещё более удивительно и радостно.

— Ой, сколько же тут людей! Когда начинается суeta, так и хочется, чтобы рук было семь-восемь. Не понимаю, как вы вдвоём справлялись все эти дни!

Цинь Баньбань рядом мыла бамбуковые стаканчики и, услышав это, тоже закивала, возбуждённо воскликнув:

— Да! Так много людей! Ярмарка и правда такая оживлённая!

В прошлый раз она была на ярмарке ещё при жизни отца, тогда всё было куда скромнее, лавок было меньше, но ей и тогда казалось, что это невероятно весело. Теперь же людей стало ещё больше, товаров несчётное множество; Баньбань, улучив минутку, оглянулась - ряды лавок тянулись по переулку так далеко, что конца не было видно.

Её уже переполняло предвкушение.

Проводив последнего покупателя, который пришёл слишком поздно и ничего не успел купить, они начали собирать прилавки, сложили всё в угол у стены и попросили Линь Синь-нян с дочерью присмотреть.

Они как раз собирались уходить, когда со стороны той самой лавки с таньюань снова донёсся шум.

Этот торговец, провозившись целый день с «ледяными таньюань» и так и не привлёк покупателей, на следующий день снова честно вернулся к своему ремеслу - стал продавать обычные таньюань с кунжутной начинкой. Но почему-то и это не помогло: торговля всё равно шла плохо, за день не набиралось и десятка покупателей, так что он ходил мрачный, с поникшим видом.

Только что к его прилавку наконец подошёл один человек, хозяин так обрадовался, что старался изо всех сил его удержать. Но ещё до того, как таньюани успели опустить в котёл, покупателя уже утащил друг.

Тот тянул его за рукав и говорил:

— Эй, ты хочешь таньюани? Пойдём вперёд, там недавно новую лавку поставили - вкусно делают, начинки много: и кунжут, и арахис, и даже таньюань с ферментированным рисом!

Покупатель растерялся, посмотрел на не менее растерянного хозяина и неловко сказал:

— Ладно уж, я тут уже заказал...

Но друг снова его потянул:

— Да ты не понимаешь! У той лавки в танъюань ещё и медные монеты кладут, говорят, освящённые в храме Гуаньинь! И недорого - кому попадётся, тому и достаётся! Всё на удачу!

Такие слова действительно подействовали. Ведь вся эта ярмарка и была оживлённой именно благодаря знаменитому, «чудодейственному» храму Гуаньинь, многие приходили сюда именно ради него.

Услышав это, покупатель сразу переменял решение, поспешно извинился перед хозяином:

— Простите, простите...

— Эй... не уходите! — воскликнул тот, но, конечно, удержать их не смог.

Они уже бежали вперёд, продолжая разговор:

— Правда? И правда там есть освящённые монеты?

— Конечно! Вчера одному повезло - в одной чашке сразу две нашёл! Ох, завидно до смерти!

— Вот это да! Ловко придумано, у хозяина голова на месте!

— Ха... я слышал, он сам не додумался, ему это подсказал один молодой учёный!

— Вот оно как, учёные люди - совсем другое дело!

...

Они промчались мимо, и все их слова отчётливо дошли до ушей Лю Гуюя.

«Молодой учёный...»

Он задумчиво взглянул на Цинь Жунши, но тот выглядел совершенно спокойно, словно происходящее его вовсе не касалось.

<http://bllate.org/book/17177/1615904>